

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВА:

«ДУРАКИ – ОЧЕНЬ ХОРОШИЕ АРТИСТЫ»

Татьяна ВАСИЛЬЕВА — народная артистка России, известная по фильмам "Самая обаятельная и привлекательная" (Сусанна), "Здравствуйте, я ваша тетя!" (леди Энни), "Дуэнья" (Дуэнья), "Увидеть Париж и умереть" (Елена Орехова), а также "Пеппи Длинныйчулок", "Мнимый больной", "Сказки старого волшебника", "Переступить черту", "Бабник-2", "Маленький гигант большого секса". Родилась 28 февраля 1947 года в Ленинграде. В 1968 году окончила Школу-студию МХАТ. С 1969 года — актриса Театра сатиры. В 1983 году перешла в Театр имени Владимира Маяковского. В разное время играла также в театре Антона Чехова и в "Школе современной пьесы". В кино дебютировала в 1972 году в картине "Всмотритесь в это лицо". С тех пор на ее счету более 40 фильмов.

Сейчас Васильева снимается сразу в двух сериалах — "Моя любовь" и "Иван Подушкин", играет на театральной сцене и много гастролирует. В числе новых спектаклей с ее участием — "Второе дыхание" по пьесе братьев Пресняковых.

— Вам интересно играть в сериалах? Многие актеры говорят: "Это просто работа".

— То, что это работа, понятно, но это же моя работа. Я уже втянулась. Приходится за один день снимать несколько серий. Интересно становится, когда раскрепостишься и тебя уже не держит текст. Первое время я боялась, что не смогу осваивать так много текста. Теперь понимаю, что это ничего не стоит. Я его прочитываю и через минуту уже знаю. А дальше существую в свободном полете. Конечно, есть режиссер, но очень многое я предлагаю сама.

— Сыгранные роли оказывают какое-то влияние на вашу жизнь?

— Бывает, что роль тебя преследует. Это даже страшно. Если это сильный материал, то в жизни сталкиваешься с этими же проблемами. Или фразы, которые ты произносишь, а потом понимаешь, что они сказаны от другого человека. Опасно так погружаться в роль. Это может и ударить.

— И бывало, что било?

— Сплошь и рядом с тобой случается то, что случилось в роли. Иногда берусь за какую-то роль и молюсь, чтобы она не стала моей судьбой.

— На этот счет существует огромная масса предрассудков. Многие актеры, например, считают, что сниматься в сценах смерти — значит накликают на себя несчастье.

— Особенно, если хорошо справишься с ролью. Не знаю, отчего это так, но это так.

— А бывает так, что вы что-то меняете в роли?

— Я только этим и занима-

юсь. Прежде чем выйти на сцену, мы проговариваем и переговариваем всю пьесу. Я так наострилась это делать, что могла бы если не написать, то наговорить роль. Перевести ее на более живой язык.

— А так, чтобы в процессе игры менялся характер героя?

— И это бывает. Тем более что мы выпускаем пьесу достаточно быстро, за два месяца. А за это время характер героя может не сформироваться. Через полгода он становится намного яснее, четче и законченнее. То, что играешь в спектакле при его выходе, часто не имеет ничего общего с тем, что играешь в нем же через год. Это может быть совсем другая история. Про другое. Это вам любой артист скажет.

— Насколько вы знакомы с музыкальным миром, шоу-бизнесом, представительнице которого сыграли в "Попсе"?

— Совсем не знакома. Только догадываюсь. Но, судя по реакции на эту роль, мои предположения оказались правильными. Достаточно ведь посмотреть, что делают наши попсовые певцы, и становится понятно, что там происходит за кулисами.

— Вижу, что вы о них невысокого мнения.

— Невысокого.

— Но какие-то исполнители вам нравятся?

— Нравятся те, у кого есть голос. А если нет голоса, должно быть что-то индивидуальное.

Моя точка отсчета — Фрэнк Синатра.

— Высоко берете. А из наших никого не хотите назвать?

— Мне нравилась ранняя Пугачева.

— Актерская профессия предполагает интенсивную самоотдачу. Без этого какая же вы актриса? Вас и любят за то, что вы выкладываетесь.

— Я не люблю слово "выкладываться". Это же не труд. Я это даже мастерством не называю. Просто вот такая профессия. Выходишь, ничего не помнишь, и все происходит за тебя. Кто-то это делает за тебя. Вот мы с Валерой Гаркалиным одиннадцатый сезон играем спектакль "Все-все-все". Он имеет спрос, поэтому мы играем. Но мы от него устали. Он выматывает страшно. Но каждый раз мы заигрываемся. И не замечаем сами, как уже сыграли. Хотя он идет час сорок и каждую секунду должно что-то происходить. Сначала дуэт, потом моноспектакль... И когда возникают паузы, рассчитанные на физическое действие, мы ведем огромные диалоги, о которых никто не догадывается. Это очень помогает выйти на тот градус, который понадобится в конце спектакля. Мы очень друг друга подерживаем.

— Такой партнер, наверное, редкость...

— Да. Для меня это огромное везение. При этом мы расстаемся. Он выпустил два спектакля без меня, я тоже. И все равно, когда мы встречаемся, я понимаю, какой это классный актер. И при этом умный.

— Это тоже редкость?

— Мозг актеру иногда мешает...

— Если это не театр, то бесполезно. Поэтому берешь мальчика или девочку для битья, они всегда есть, и начинаешь...

— В театре на режиссера можно повлиять?

— Можно ему сказать: "Давайте пробовать, давайте искать, я так не могу". И пробовать, и репетировать. А в сериалах кто будет репетировать и кто даст пробовать? Это как поезд останавливать. Как говорит Лариса в "Попсе", "поезд пошел, хочешь — выходи". В общем, это самое ужасное для актера — играть самому при наличии партнера. Но я привыкла к этому. И даже кайф какой-то ловлю. Фонтанирую. У меня будто чakra открылась в последнее время. И там много всего. Пока хватает.

— Про Наполеона говорят, что он порой впадал в истерические состояния, а иногда просто разыгрывал истерики. Вы можете разыграть что-то, чтобы добиться какой-то цели?

— На сцене могу, в жизни — нет. У меня внутри счетчик, он не терпит никакой фальши. Я не люблю, когда в жизни кто-то что-то изображает.

— По вашим наблюдениям, актеры часто актерствуют в жизни?

— Если они не наигрались в театре. Я в жизни максимально должна отдохнуть и меньше затрачиваться.

— Как вы считаете, актеры должны удовлетворять любопытство публики и прессы по поводу личной жизни?

— Нет, и я очень жалею, что долгое время удовлетворяла эти потребности.

— Почему же вы это делали?

— Хотелось облегчить свое состояние, и они попадались под руку. И тогда они имели все, и даже то, на что не рассчитывали.

— Сейчас вы счастливы?

— Да, через край.

— А были ли периоды, когда вы были глубоко несчастны?

— Это были мои заблуждения. Я слишком всерьез воспринимала свои романы и потому страдала. А теперь жалею о тех временах, очень жалею, что так себя не щадила. Если бы мне тогда сказали, как я буду спокойна, как мне будет досадно и жалко себя, то я бы, наверное, избежала этого. Нет, я бы тогда этого не услышала.

— Вы были неуправляемы?

— Я безостановочная, всегда иду до конца и не останавливаюсь у черты, а захожу за нее. И всегда была ведущей в отношениях с мужчинами. Хотела, чтобы меня любили так, как любила я. Потому что я обычно любила сильнее, чем любили меня. Но стоило им полюбить меня больше, мне становилось неинтересно и тягостно. Этот узел не развязать. Поэтому я сейчас абсолютно счастлива, так как занимаюсь только творчеством.

По материалам
информгентств.